

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ПАУЛЯ АРИСТЭ

Заслуженный деятель науки Эстонии академик Пауль Аристэ (1905—1990) был одним из наиболее известных и признанных в мире финно-угроведов, а его научная деятельность — чрезвычайно плодотворной и многогранной. Общий объем публикаций П. Аристэ превышает 8500 страниц. Среди более тысячи статей и десятков монографий существенную долю составляют основополагающие труды непреходящей ценности.

П. Аристэ создал в финно-угроведении свою школу и обучил несколько поколений эстонских финно-угроведов. Вместе со студентами он побывал более чем в 30 лингвистических экспедициях и в послевоенные годы готовил научные кадры почти для всех финно-угорских народов. Чтобы знакомить международное сообщество финно-угроведов с работами исследователей из финно-угорских регионов СССР, в 1965 году он организовал журнал «Советское финно-угроведение» (в настоящее время — «Linguistica Uralica»), главным редактором которого оставался до последних дней своей жизни. Как член Международного комитета финно-угроведов (с 1960 года), он был одним из энергичнейших инициаторов и организаторов финно-угроведческих конгрессов. В сложных условиях советской оккупации он сумел сохранить тесные контакты с финскими и венгерскими учеными и обеспечить эстонскому финно-угроведению международное признание.

П. Аристэ успешно строил мосты между уралистикой и смежными областями лингвистической науки, внося существенный вклад и в индоевропеистику, и в интерлингвистику. При знакомстве с его трудами обращает на себя внимание редкая творческая одаренность автора и его умение предлагать новые идеи и подходы.

Более или менее детальный обзор обширной и разноплановой деятельности П. Аристэ невозможно вместить в одну статью. Поэтому здесь мы ограничимся лишь наиболее существенными биографическими данными и постараемся дать общее представление о главнейших тематиках его исследований. За рамками обзора остаются научные экспедиции, рукописные собрания, подготовка молодых исследователей и организаторская деятельность вообще как по направлению

исследовательской работы в области финно-угроведения в Советском Союзе, так и руководящая роль в проведении международных лингвистических форумов.

Пауль Аристэ (Берг до 1927 г.) родился 3 февраля 1905 года в волости Торма Тартумааского уезда на мызе Ряабизе в семье кузнеца и столяра Александра Берга. Его мать Лийза Берг (урожденная Пывват) была дочерью школьного учителя из Вазула (недалеко от Тарту). Учиться П. Аристэ начал в Тыйквереской сельской школе и продолжил в Таллинне.

В 1916 году семья переехала в Таллинн, отец стал работать на Балтийском судостроительном заводе, сына отдали в частную начальную школу Л. Эльмановича. В 1917—1925 гг. П. Аристэ учился в Таллиннской Николаевской гимназии (позже Таллиннская городская гуманитарная мужская гимназия) на отделении классической филологии. В 1925—1929 гг. он продолжил обучение в Тартуском университете, где специализировался по эстонскому языку, прибалтийско-финским языкам, уральскому языкознанию и фольклору (его профессорами были А. Сааресте, Ю. Марк, Ю. Мягисте, М. Й. Эйзен, В. Андерсон), дополнительно он изучал германистику (профессора В. Вигет, П. Виселгрэн). Его заинтересовала экспериментальная фонетика (под руководством преподавателя английского языка и экспериментальной фонетики В. Петерса). В университетские годы будущий ученый работал в архивной библиотеке и в архиве эстонской народной поэзии Эстонского Национального музея. Там зародился его интерес к фольклору.

В 1929 году П. Аристэ окончил Тартуский университет по специальности эстонский язык, уральское языкознание и фольклористика с оценкой «laudatur» и прибалтийско-финские языки с оценкой «cum laude». В 1931 году он защитил магистерскую работу «Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles» (Заемствования в эстонском языке из шведского языка в Эстонии).

Затем молодой ученый получил стипендию для продолжения учебы в университетах Хельсинки и Гамбурга. За границей он в основном знакомился с экспериментальной фонетикой, но пополнял свои знания и в части финно-угорских языков, общей фонетики, а также шведского, немецкого и нижненемецкого языков. К работе ассистентом в Тартуском университете П. Аристэ приступил в 1933 году. Он читал лекции по фонетике и вел практические занятия по экспериментальной фонетике. Докторскую диссертацию «Hiiu murrete häälikud» (Звуки хийумааских диалектов) он защитил в 1939 году. В 1954 году П. Аристэ был избран академиком АН ЭССР. По его инициативе в 1957 году в составе Института языка и литературы был создан сектор финно-угорских языков и в 1957—1960 гг. П. Аристэ заведовал им. Там он выступил с инициативой составления капитального словаря водского языка (I часть увидела свет в 1990 г.). В 1944—1977 гг. П. Аристэ был профессором и заведующим кафедрой финно-угорских языков в Тартуском университете. Позже он работал там же как профессор и профессор-консультант. Пауль Аристэ скончался накануне своего 85-летия.

Интерес к языкам и языкознанию возник у П. Аристэ довольно рано. Еще мальчиком научился он у бабушки шведскому языку, а играя с соседскими детьми, усвоил русский. Гимназистом он с завидной лег-

костью овладевал немецким, английским и латынью, там же началось увлечение эсперанто. Будучи 16-летним школьником П. Аристэ опубликовал свою первую работу о ливах («La Livoj»), которая в 1921 году была напечатана в кельнском журнале эсперантистов «Esperanto Triumfonta». Позже он быстро изучил нужные для исследования эстонского языка цыганский, латышский языки и идиш. Кроме того, П. Аристэ как полиглот знал и многие другие языки.

К финно-угроведению П. Аристэ обратился в основном все же в послевоенные годы. Его ранние труды связаны прежде всего с эстонским языком, хотя проводить временные границы между исследовательскими сферами можно лишь с большой долей условности.

Сам профессор считал приоритетными для себя исследовательскими направлениями эстонский язык, прибалтийско-финские языки (особенно водский), фонетику, шведский язык, межъязыковые контакты и фольклор. Наряду с этим, им опубликованы многочисленные статьи и в других областях науки (напр., цыганский язык, эсперанто, древнееврейский язык и еврейская культура, этногенез прибалтийско-финских народов). Владение всеми используемыми в Эстонии языками помогало ему проследить взаимоотношения эстонского языка с ними и подробнее исследовать заимствования в эстонском языке из шведского и нижненемецкого, а также из славянских и балтийских языков. Он этимологизировал более 2000 эстонских слов и высказал гипотезу о протоевропейских заимствованиях в прибалтийско-финских языках.

Работы П. Аристэ заложили основу экспериментально-фонетического исследования эстонского языка. Он был первым эстонским фонетиком, получившим специальную подготовку в этой области. В начале 1930-х годов П. Аристэ набирался опыта в фонетической лаборатории Гамбургского университета под руководством профессора Г. Панкончелли-Кальция и в лаборатории Хельсинкского университета, которой руководил Ф. Эймя. Позже П. Аристэ проводил измерения в фонетической лаборатории Тартуского университета, где работал преподавателем. Он стал учителем для следующего поколения эстонских фонетиков.

В 1933 году в журнале «Eesti Keel» увидела свет его первая базирующаяся на опытных данных работа «Eesti sulghäälikud *k, p, t* ja *b, d, g*». Выяснилось, что эст. *b, d, g* — это полувзвонкие звуки, звонкость которых в начале и в конце слова колеблется в зависимости от ударения и длины слова. За ней последовала статья «Huulte võnkehäälik eesti keeles» (1935). В ней рассматривался т.н. звук «тпру» (ψ), известный далеко не всем языкам. П. Аристэ первым применил в эстонском языкознании положения, разработанные Пражским лингвистическим кружком. В 1938 году он принял участие в проходившем в Бельгии III международном фонетическом конгрессе, где выступил с обратившим на себя внимание докладом «A Quantitative Language». Этим исследованием квантитативной системы эстонского языка он ввел наш родной язык в сферу интересов международного языкознания.

В 1939 году была готова и издана самая важная из работ П. Аристэ в области фонетики, его докторская диссертация «Hüü murrete häälikud». Это обстоятельнейшее и лучшее экспериментально-фонетическое исследование среди всех, когда-либо написанных о языке эстонских диалектов. Докторская диссертация была шагом вперед как в

эстонской фонетике, так и в эстонской диалектологии. В этой работе показано, что особым своеобразием отличается хийумааский вокализм. Для него характерна сильная редукция, а частично и лабиализация. Качество гласных зависит от их длины. Кроме того, в диалектном ареале Хийумаа распространены явления сандхи.

Через пару лет увидело свет продолжение диссертации «*Hiiu murrete kvantiteedist*» (1941; О квантитете хийумааских диалектов). Экспериментальным путем П. Аристэ изучал и некоторые иные явления произношения в эстонском языке, такие как палатализация, количество, определенные звуки и т.п. Итогом фонетических изысканий автора стал труд «*Eesti foneetika*» (1946; Эстонская фонетика), позже доработанный и опубликованный как «*Eesti keele foneetika*» (1953; Фонетика эстонского языка). Многие дополненные переиздания его успешно использовались в качестве университетского учебника. Этот труд является выдающимся достижением эстонской фонетической науки.

П. Аристэ был основателем эстонской фонетики и учителем младшего поколения фонетиков. Исследовал он и произношение в водском, ливском и коми языках, преподавал фонетику славянских и германских языков и руководил молодыми мордовцами, мари́йцами и удмуртами при экспериментальном изучении ими родных языков.

После защиты диссертации П. Аристэ временами возвращался к эстонским диалектам. Вернее сказать, собрание диалектных текстов «*Murdenäiteid Pühalepa kihelkonnast*» (1939; Образцы диалектного языка из волости Пюхалепа) представляет собой приложение к докторской диссертации. Многократно П. Аристэ касался проблем диалектологии в своих статьях. Например, в статье «*Lõuna-estli larüngaalklusiilist*» (1938) рассматривается развитие *k > ?*. Звукоизменение *pts > tts* анализируется в статье «*Miks on lõuna-estli murdes lapse asemel lats?*» (1955).

Вопросами лексики эстонского языка П. Аристэ начал заниматься еще студентом. Его привлекли шведские заимствования в эстонском языке. За обстоятельное исследование «*Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles*» П. Аристэ получил в 1931 году магистерскую степень (опубликована работа в 1939 г.). Тем самым эстонская лексикология пополнилась отличающимся новизной и зрелым в методическом плане произведением. Работа содержит 253 заимствования. Некоторые из них вошли и в литературный язык; например, *hiivama, iil ~ iiling, jampsima, jung, kepp, kratt, moor, nugima, näkk, räim, sump, taldrik, tont, vaar, ämber* и т.д.

П. Аристэ заложил также основы исследования заимствований из нижненемецкого языка. В статье «*Mõningaid alamsaksa laensõnu*» (1937) анализируется 25 слов, среди них *jukerdama, jänni (jääma), kellu, kllii, liigud, lähker, mats, matt, memm, neetima, pitser, prügi, ääs* и др. Из работ, посвященных немецким заимствованиям в старом эстонском языке, следует особо выделить исследования «*Georg Mülleri saksa laensõnad*» (1940; Немецкие заимствования Георга Мюллера) и «*Saksa laensõnad Heinrich Stahli keeles*» (1963; Немецкие заимствования в языке Хейнриха Штала). Выясняется, что львиная доля этих заимствований попала в эстонский из нижненемецкого языка и только единичные из верхненемецкого. Количество заимствований из нижненемецкого языка велико и в современном литературном языке, достигает более 1000 слов.

В сферу интересов П. Аристэ входили и взаимные заимствования русского и эстонского языков. В статье «Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist keeelistest kokkupuuteist» (1952) он пытается на основе заимствований выявить исторические и культурные связи между древними славянами и прибалтийско-финскими племенами. Встречаемость славянских и русских заимствований в литературном языке XVII и XVIII веков рассматривалась в статье «Vene laensõnadest vanemas eesti kirjakeeles» (1958).

П. Аристэ обнаружил в эстонском языке редкие заимствования и из других языков. В статье «Mõningaid sõnaseletusi» (1929) доказывается, что названия рыб *paldis* и *tiks* происходят из саамского языка, через литературу из древнееврейского в эстонский язык попало название страуса *jaana(lind)*. В другой работе П. Аристэ указал, что библейские слова *kikajon*, *koveripuu* и *tuudaimi (marjad)* заимствованы из древнееврейского языка. В работе «Mustlassõnu eesti keeles» (1934) выясняется, что *manguta* и *maaruta* заимствованы из цыганского языка.

П. Аристэ весьма остроумно этимологизировал и эстонскую исконную лексику, например *eha*, *helmes*, *koole*, *maadlema*, *õel*, *üpris*. Особо следует отметить всячески убедительную этимологию имени богатыря Калева в статье «Kalevist» (1946), в которой это имя соотносится со словом *kali* 'сила, крепость'.

Во многих своих трудах П. Аристэ вносит ясность в происхождение эстонских топонимов, показывая, что в топонимах *Reigi*, *Mahtra*, *Pandivere*, *Pandju* и т.д. сохранились основы слов, соответствия которым обнаруживаются в родственных языках.

В исследовании лексики эстонского языка П. Аристэ тоже был одним из ведущих лингвистов. Заслуг у него здесь больше, чем у кого-либо другого. В своих трудах он предложил этимологии нескольких тысяч слов.

Как уже отмечено, в послевоенные годы основным объектом исследования стали для П. Аристэ финно-угорские языки. Центральное место среди них занял исчезающий водский язык, который привлек его внимание еще в школьные годы. Первые записи водского языка (11 загадок) сделал он в 1923 году на музейном празднике, побеседовав с Дарьей Лехти из Йыгыперя. Более определенно свидетельствует об интересе к будущей тематике тот факт, что когда в 1932 году молодой магистр совершенствовался по экспериментальной фонетике в Хельсинки, он принимал участие и в семинаре водского языка. Результатом встречи с замечательным информантом Кигорием Кузьминым стали 150 страниц текста на водском языке. Этот текст вместе с дополнениями, сделанными в Тарту, составил позже первую водскую книгу П. Аристэ «Wotische Sprachproben» (1935). Через несколько лет вышел новый сборник текстов «Vadja keelenäiteid» (Образцы водского языка).

Большую любовь к водскому языку и водскому фольклору П. Аристэ сохранил на всю жизнь. Он говорил: «Красив и старомоден водский язык. У води старинные верования, обычаи, песни и плачи. [---] В мечтаниях юности я хотел сохранить все то из прошлого води, что еще поддавалось сохранению [---] Я колебался между языком и фольклором, так и не решив окончательно, чему отдать предпочтение.»¹ С точки зрения быстро

¹ P. A r i s t e, Vadja rahvaluule võlus. — Saaremaast Sajaanideni ja kaugemalegi, Tallinn 1970, c. 89.

исчезающего водского языка такое решение оказалось наиболее благоприятным, П. Аристе стал крупнейшим собирателем и исследователем и водского языка, и водского фольклора. Папки из собрания «Этнология водди» давали ему достаточно материала для публикаций как по одной линии, так и по другой.

Вступлением к серии исследований по водскому языку послужила работа «Происхождение водского языка» (1947), в которой убедительно доказывается, что под влиянием ряда исторических факторов водский язык сформировался как самостоятельный язык на базе восточной ветви прибрежного диалекта эстонского языка. Наряду с древними общими фонетическими и морфологическими чертами приводятся примеры типичной эстонско-водской лексики (*guna* — *õun*, *vegi* — *võti*, *kusuttā* — *kustutada* и т.д.). Те же проблемы анализировались в докладе на Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште «Die Beziehungen des Wotischen zu den estnischen Mundarten» (1963). Часто используемым справочником стала «Vadja keele grammatika» (1948; Грамматика водского языка). В ее английский вариант «A Grammar of the Votic Language» (1968) автор внес существенные дополнения.

Как опытный фонетик, П. Аристе обратил внимание на ряд явлений произношения в водском языке, которые описал в статьях «Üksikküsimusi vadja häälduse alalt» (1935), «Velaarpalataalse sulghääliku *k* afrikaadistumine» (1964) и др. Переход *k* > *č* перед передним гласным свойствен многим языкам в мире и нет необходимости предполагать в связи с вод. *č* влияние русского языка, как это делалось раньше.

В статье ««Ületaotlusest» (eriti vadja keeles)» (1961) показано, как заимствования нередко приносят в язык излишества, или гиперизмы. В водском языке это проявилось главным образом в связи с начальным звонким смычным или с *h*, например, *bässi* 'осел' < фин. *pässi*, *hukko* 'старик' < фин. *ukko*. Эпитеза (*poiz^ä* 'вон' = *poiz* и др.) свойственна не только водскому языку, но и водскому фольклору, см. «Über die Epithesis des Wotischen» (1976).

Функции возникшего позже водского комитатива на *-kā* освещены в статье «Vadja komitatiiv» (1983). Значительно сократилось употребление более архаичного комитатива на *-nā*, *-nā̄*. О ставших редкостью посессивных суффиксах дает представление статья «Possessiivsufiksids tänapäeva vadja keeles» (1977). Свообразию спряжения глаголов посвящены статьи «Das partizipium Perfekti des Aktiivs im Wotischen» (1976), «Zur dritten person Plural und zum Impersonal im Wotischen» (1981), «Spuren des personalen Passiivs im Wotischen» (1983). По говорам причастие на *-nud* варьирует довольно значительно. Распространенность восточноводского варианта с *-nuc* позволила реконструировать **-nik* (: мн. ч. **-niugt*). Личный же пассив как явление зафиксирован также в старом финском литературном языке и в южноэстонском диалектном регионе. Сходное с русским употребление послелогов *tagā* 'за (куда)' и *takana* 'за (где), позади' добавило им новые значения, например, *mehē tagā* 'позади мужа' (ср. рус. *замуж*), *mehē takana* (ср. рус. *замужем*), см. «Wotisch *tagā* und *takana*» (1977). Под влиянием русского языка новые функции обрели и *mō* 'вдоль' и *pāle*, *pällä*, *pälta* 'на (куда), на (где), с', см. «Das russische Modelle für die Funktionen wotischer Postpositionen» (1975). Энклитический суффикс *dē*, *de* (напр. *annan koti munnā-dē* 'дам даже мешок картошки')

развился под влиянием рус. *да*, см. «Ein enklitisches Suffiks des Wotischen» (1979). О заимствованном суффиксе $v\bar{e} \sim v\bar{e}$ речь идет в статье «Vene laensufiks vadja keeles» (1936).

Начало толкованию водских слов П. Аристэ положил еще в 1943 году, когда увидели свет «Mõningaid vadja sõnaseletusi» (*ihmata, krevini, ikkūpra, laine, primozla ~ primuzla, rēhu, sūra*) и «Vadja lemmüz». Значительный фольклористический крен имеют такие работы, как «Wotisch lappolain» (1962), «Vatjalaisten čivirõukko» (1965), «Vatjalaisten vesimä» (1965), «Vadja kalmolain, kalmollin» (1974), «Vadja järvehaldjas vezikko» (1975) и др. Заражение болезнью от земли обозначает глагол *keh-tā*: «Vatjalainen mā keh-tā» (1967). Календарный термин *čürü, čüri* пришел из русского языка (Гюрги) еще до звукоизменения $k > č$, как выясняется из статьи «Wotisch čürü» (1968). Календарный праздник кроется и за словом *malaspäivä* 'Великий четверг', см. «Eine wotische Benennung des Gründonnerstags» (1975). Вод. *levata, vanattaja* < **vanatta-, sačia* имеют соответствия и в других прибалтийско-финских языках, см. «Paarist vadja sõnast» (1973). Отметим особо, что лексико-фонетическому анализу старых перечней водских слов посвящено исследование «Two Old Vocabularies of the Votic Language» (1935, 1937). Свое собрание водских слов (45 000 словарных карточек) П. Аристэ передал в распоряжение Института языка и литературы АН ЭССР, где оно легло в основу большого словаря водского языка — «Vadja keele sõnaraamat».

Водские топонимы рассматриваются в работе «Über wotische Ortsnamen» (1967). Оказывается, что лишь немногие села имеют русские названия, микротопонимика же полностью прибалтийско-финская (*kärnā mäci, jegeranta* и т.д.). Топоним *Jarvigoištsülä* изначально имел значение 'русалочья деревня' и рус. *Бабино* ассоциируется с таким толкованием посредством перевода понятия *jarvi-emä*: «Baabino ehk Jarvigoištsülä» (1964). В той же работе автор подчеркивает, что «сравнительное исследование эстонских и водских топонимов должно стать одной из актуальнейших проблем языкознания. [---] часть старых названий несомненно свидетельствует о древних направлениях колонизации с запада на восток и с востока на запад» (с. 171). Это пожелание П. Аристэ, как и идея составления «общего историко-топографического атласа», не утратили своей актуальности до наших дней. Насколько широко в Эстонии употребляются топонимы с основой, идентифицируемой со словом *vadja* (*Vaiga, Vaiatu, Vaekiila, Vaijala, Vadi, Vadikiila* и др.), показано в обстоятельной работе П. Аристэ «Vadja kohanimedes» (1965). Анализ водских личных имен свидетельствует о том, что большинство из них имеет русское происхождение, суффиксы же *o, u* — водского происхождения (*maŕo* < рус. *Мария, Марья*; разг. *oŭu* < рус. *Авдотья*), см. «Einige Ausführung zu wotischen Personennamen» (1980).

Изучение контактов водского языка с другими языками помогло установить различные слои заимствований. Эта проблема освещена в статьях П. Аристэ: «Germanische Lehnwörter in der wotischen Seemannsprache» (1979), «Deutsche Lehnwörter im Wotischen» (1980), «Saksa laensõnadest vadja keeles» (1981), «Etwas über den Kontakt zwischen dem Wotischen und dem Schwedischen» (1969). Итог был подведен в докладе на Международном конгрессе финно-угроведов в Турку «Die Veränderungen im Wortschatz des Wotischen» (1980), в котором были учтены

также заимствования из древнерусского, русского, эстонского, ижорского и финского языков.

Новаторским подходом отличались и некоторые другие водские изыскания П. Аристэ, среди которых особую группу составляют работы, посвященные разным жанрам водского фольклора. В начальные годы целенаправленного сбора водского фольклора (с 1942 г.), когда количественный состав води оценивался в 300—400 человек, еще жили знаменитые сказители. В 1947 году П. Аристэ записал от жительницы села Куровицы (Kukkusi) Матью Герасимовой 36 песен подряд (1046 строк), наряду с лирическими песнями и эпические, например, о сотворении мира, об утопшем брате, об изготовлении лодок, которые встречаются и в «Калевале», у эстонцев и других финно-угорских народов. Местом исполнения песен служили обычно свадьба или другие сборища. Содержательную и языковую связь последних (вод. *issutalo*, *isuta-talo* и эст. *istjadzõ*, *istõ* — кальки рус. *посиделки*) с водской, ижорской, восточноэстонской и русской традициями П. Аристэ подчеркивал в работе «Vadjalaste istjatsed» (1964).

Монография «Vadjalaste laule» (1960; Водские песни), как и другие фольклористические исследования, снабжена лингвистическим комментарием. Та же тематика отражена в статьях: «Vadjalaste rahvalauludest» (1959), «Ühest vadja rahvalaulu tüübist» (1959), «Ühest Vaipooles vadja laulust» (1970). В статье «Ühest vadja rahvalaulust» (1956) приведен первый образец водского языка в форме текста «Awita minnu arma toita», относящийся ко второй половине XVIII века. Об общих для води, ижорцев и частично даже финнов, но исполняемых на разных языках, песнях, а также о чисто водских песнях речь идет в работе «Lisaandmeid Jõgõperä vadjalaste laulude keele kohta» (1966), где между прочим выясняется, что последней, кто знал водские песни, была Оудекки Фигурова из деревни Райо. Этой последней водской исполнительнице народных песен и шаману, которая была *täätjä* 'колдунья' в хорошем смысле, П. Аристэ посвятил статью с теплыми воспоминаниями «Oudekki Figurova» (1978). Прекрасных знатоков водского фольклора и водского языка Кигория Кузьмина и Димитрия Цветкова он представил в произведениях «Vatjalainen tietoneikka» (1932), «Dimitri Tsvetkov. Ühest vadja haritlasest» (1936).

Водские сказки и предания собраны в основном в книгах «Vadja muinasjutte» (1962), «Vadja muistendid» (1977), но некоторые опубликованы и отдельно: «Vadja rahvajutte Mati külast» (1958), «Vadja muinasjutte ja muistendeid» (1974), «Aarne Thompson MT 161 A* ja MT 163 B* vatjalaisena satuna» (1967), «Aarne-Thompson 752 A vadja teisend» (1981). Хотя по крайней мере в последнем столетии води не были известны какие-либо героические эпосы, по мнению П. Аристэ, вполне вероятно, что обнаруживаемые в народных песнях *kalevi* и *kalervo* свидетельствуют о причастности к общей прибалтийско-финской традиции. В отличие от исследователей, своих предшественников, в статье «Kas vadjalased on tundnud Kalevipoega?» (1967) он не считает, что форма имени *Kalervo* образовалась по аналогии с *Kullervo*, а предполагает здесь самостоятельный суффикс *-ervo* (< **-rvai*), как и в личных именах *Antervo*, *Pellervo* и других, встречающихся в «Калевале».

Народные рассказы локальной окраски часто более выразительны, чем сказки и предания. У води этот жанр народной байки особенно

жизнеспособен, как свидетельствует изданный отдельной книгой сборник «Vadja rajatusi» (1982; Водские байки). Отсутствие реального действующего лица — это существенная черта, отличающая юмореску от байки. Задуманная как учебное пособие «Vadja keele lugemik» (1980; Книга для чтения по водскому языку) содержит и юморески, записанные в диалектном ареале села Куровицы.

Водские загадки в наше время уже не применяются, но и из них, опираясь на многие источники, П. Аристэ смог составить приличный сборник «Vadja mõistatusi» (1979; Водские загадки). Некоторые загадки автор опубликовал и раньше в статье «Muutamia vatjalaisia arvoituksia» (1964). Не остались без внимания и другие малые формы водского фольклора. Водские пословицы П. Аристэ издавал в несколько этапов: «Lisiä vatjalaisiin sananlaskukokoelmiin» (1963), «Vatjalaisia sananlaskuja» (1970). Заклинаниям посвящена обстоятельная статья «Vatjalaisten loitsuista» (1974).

В мир водских верований и духов огня, земли, лесов, болот, воды, озер, рек, риги и бани помогают заглянуть работы «Vadja rahvausundist» (1932), «Emä ja isä vatjan kansanuskossa» (1958), «Viimeisten vatjalaisten etnologinen anti» (1968), «Vadjalaste puu- ja metsakultusest» (1977).

В верованиях, обрядах и обычаях, связанных с календарными праздниками, можно усмотреть продолжение древних традиций, но и то, что навязано церковью. По форме водский народный календарь как раз и связан с церковными терминами. Монография «Vadja rahvakalender» (1969; Водский народный календарь) предлагает строго классифицированный материал по 55 датам, дополненный высказываниями и верованиями в связи с молодой и старой луной и отдельными днями недели. На темы народного календаря написана и статья «Omaa ja vierasta vatjalaisten kalenterissa» (1966). В сборнике «Vadjalane kätkest kalmuni» (1974; Водь от колыбели до могилы) собрано много текстов фольклористического и этнографического плана, рассказывающих о водских верованиях, обычаях и обрядах, которые в старину сопровождали человека с рождения и до похорон.

О том, что исследование прошлого, языка и культуры этого исчезающего прибалтийско-финского народа на многие десятилетия стало очень важным для П. Аристэ делом, свидетельствуют и статьи «Vadjalastest Narvas 1549. aastal» (1961), «Vatjalaisten nykyisyydestä» (1957), «Tänapäeva vadjalastest» (1960), «Vadjalastest» (1973). Заслуживает внимания и тот факт, что его последняя опубликованная посмертно работа тоже посвящена водскому языку — «Vadja keelt Jögöperält» (1990).

Наряду с водским языком П. Аристэ занимался исследованием и других прибалтийско-финских языков.

Одно из своеобразий произношения ливского языка рассмотрено в статье «Liivi keele palatalisatsiooni olemusest» (1958). С помощью палатограмм показано, что палатализация в ливском языке (как и свойственная латышскому языку) представляет собой т.н. нормальную палатализацию, тогда как палатализация в эстонском языке слабее нормальной. В ливском языке гемината палатализируется целиком, в эстонском только ее начальная часть: лив. *tull̥li* 'горячий' (ср., напр., эст. *pal̥li*). В статье «Etümoloogilisi märkmeid liivi keelest» (1943) приводятся этимологии слов *ka'rk*, *košt* (топоним), *jo'uc*, *kärzâ*. В ливском языке имеется ряд нижненемецких заимствований. Используя фонологиче-

ские и фонетические критерии, П. Аристэ в статье «Нижненемецкие заимствования в ливском языке» (1973) выделил среди них также ранние нижненемецкие и поздние нижненемецкие. Большинство последних попали в ливский язык через латышский. Более общий характер имеют статьи «К вопросу о развитии ливского языка» (1954), «Ливы и ливский язык» (1958). Работа на эсперанто «Liva poezio en Esperanto» (1983) знакомит со стихотворениями К. Сталте «Jema» и «Rändalist lou!» в переводе Х. Дрезена на язык эсперанто. Процесс исчезновения ливского языка (а также водского) рассматривается в статьях «Пути отмирания двух прибалтийско-финских языков» (1967), «Die Wege des Aussterbens zweier finnisch-ugrischen Sprachen» (1970).

Изысканиям П. Аристэ по ижорскому языку положила начало сенсационная публикация «Isuri keelest» (1956), в которой отрицались прежние утверждения и на основе лексических, фонетических и морфологических аргументов доказывалось, что речь идет не о диалекте финского языка, а о самостоятельном, седьмом прибалтийско-финском языке, который во второй половине I тыс. н. э. выделился из древнекарельского языка. В наше время большинство исследователей приняли эту убедительную точку зрения. В статье «Etwas über das Ižorische» (1965) обосновывается, что Д. Дечи в своей книге «Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft» (1965) не принял во внимание результаты исследований и по-прежнему оперировал шестью прибалтийско-финскими языками.

Общелингвистический характер имеет статья «Redaktion der Stimmhaftigkeit als morphologischer Faktor» (1965), в основу которой положен материал ижорского языка. Своеобразные посессивные суффиксы ижорского языка послужили объектом исследования в работе «A mai izsor nyelv birtokos személyragjai» (1958). С отдельными ижорскими говорами знакомят образцы ижорской речи в работах «Vanaküla isuri murrakust» (1969) и «Isuri keelenäiteid» (1960). Последняя содержит также образцы народных песен и подробный комментарий. Популяризационный характер имеет статья «Isurid ja isuri keel» (1973).

По вепсскому и финскому языкам П. Аристэ опубликовал «Vepsa muinasjutte (Äänis- ja keskvepsa keelenäiteid)» (1964) и «О некоторых грамматических вопросах финского языка» (1954).

Среди прибалтийско-финских языков карельский составляет исключение — П. Аристэ не посвятил ему ни одной публикации, хотя известно, что пару раз он провел лето в экспедициях у валдайских карел. Однако собранный материал остался не обработанным.

Личные контакты с представителями всех прибалтийско-финских народов несомненно сослужили свою пользу при рассмотрении общих проблем прибалтийско-финского языкового ареала. В этой области Пауль Аристэ создал целый ряд основополагающих трудов на высоком научном уровне. Своими работами о происхождении и сравнительно-исторической грамматике прибалтийско-финских языков он заложил основу для дальнейших исследований. Особо следует отметить удачное решение проблемы происхождения прибалтийско-финских родственных языков. Упомянем здесь такие работы, как «Läänemere keelte kujunemine ja vanem arenemisjärk» (1956), «Die Entstehung der ostseefinnischen Sprachen und ihre früheste Entwicklungsstufe» (1958), «Über die früheste Entwicklungsstufe der ostseefinnischen Sprachen» (1961), «Mui-

naisista itämerensuomalaisista heimokielistä» (1966). Опираясь на археологические исследования, П. Аристэ убедительно показал, что носители прибалтийско-финского праязыка жили на этой территории уже в III тыс. до н.э., т.е. на пару тысячелетий раньше, чем считалось до сих пор. Лингвистические данные свидетельствуют, что язык южно-эстонской группы племен, очевидно, отделился от прибалтийско-финской языковой общности ранее остальных языков. Довольно поздно, лишь в I тыс. н.э. отделилась от северных эстонцев водь, от карел — ижора, и сформировались водский и ижорский языки. Научный мир принял эти новые положения почти единодушно, хотя поначалу за рубежом отношение к ним было осторожным. Свое мнение об ижорском как самостоятельном языке П. Аристэ обосновал подробнее в работе «Isuri keelest» (1956).

Новые идеи и подходы предложены П. Аристэ в ряде работ, посвященных некоторым проблемам фонетики и морфологии прибалтийско-финских языков, например, «Läänemeresoome sõnasiseste üksikülghäälitate olemusest» (1959), «Sisekohakäänete kujunemisest läänemere keeltes» (1954), «s-овый иллатив в прибалтийско-финских языках» (1955).

В более пространной работе «Adverbide arenemisest läänemere keeltes» (1952) П. Аристэ среди прочего показал верное место иногда выступающих в номинативе форм в нашей многоликкой системе наречий. В статье «Ekstsessiivist läänemere keeltes» (1960) он рассказал о современном употреблении эксцессива (напр., в наречиях *tagant* 'сзади' и *kodunt* 'из дома') и о его историческом развитии. В работе «Indoeuropäische Präfixe in den ostseefinnischen Sprachen» (1960) анализируются заимствованные предлоги *do-*, *pere-*, *ni-*; *at-*, *bez-*, *iz-*, *no-*, *pa-*, *pie-*; *aiz-*, *ap-* и др.; *vöör-*. Наибольшее количество их в ливском языке, заметно меньше в вепском и лишь один (*vöör-*) обнаружен в эстонском.

К области лексики относится анализ названия кабана «Kas kabrist ei võiks velmata?» (1979). О древнем заимствовании *helm* речь идет в работе «Läänemerelaste vanast merevaigu nimetusest» (1959). О том, что существительные заимствуются не всегда в форме номинатива, выясняется в статье «Rootsi väjsta 'nuga'» (1970). А рус. *бегом* в финских диалектах обрело форму *hypätä pikommia* 'обратиться в бегство'. Что касается других родственных языков, объектом этимологизации стали лив. *nūņnikkàd* (1939), топоним *koštjo'uc* (1943), а также вод. *levata*, *vanattaja*, *satšia* (1973) и др. Проведенный на базе исконной и заимствованной лексики анализ в статье «Vanimast läänemerelaste põllundusest keeleliste andmete põhjal» (1955) позволил сделать убедительный вывод о том, что нет оснований зачатки земледелия искать в более раннем периоде, чем волжский; контакт же с балтами дал развитию прибалтийско-финского земледелия сильный толчок (заимствованные слова *hernes*, *uba*, *rukis*, *seeme*, *vagu* и т.д.). Старые иранские, балтийские и славянские языковые контакты критически осмысливаются в ряде таких работ, как «Прибалтийско-финские и иранские контакты» (1978), «Вопросы о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках» (1973), «Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist kokkupuuteist» (1952). Среди иранских заимствований, с точки зрения П. Аристэ, встречаются и такие, что были заимствованы прибалтийско-финскими племенами как субстратные слова индоевропейских языков сатэм у древ-

неиранских племен (*tarvas, kauris, varsa, taivas, marras* и др.). В 1960-е годы, как представляется, любимыми темами для П. Аристэ становятся проблемы субстрата. Он развивал гипотезу протоевропейских заимствований. В работе «Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen» (1971) он предположил, что из неизвестного протоевропейского языка происходят многие названия частей тела, например, *huul, koib, kube, külg, liha, nina*; географические понятия, например, *neem, nõmm, oja, org, saar, sammal, soo*; названия рыб *ahven, haug, siig*; топонимы *Peipsi, Ruhnu*. Ранее проживавшие здесь носители протоевропейского языка оставили якобы в эстонском языке и свое самоназвание. Это слово *võnd* (ср. *võnnuvõõras* и *Võnnu*). Теория субстрата П. Аристэ привлекла большое внимание, но не исключаются и иные решения проблемы. Ведь непосредственные данные о субстратных языках, предположение о которых высказал П. Аристэ, отсутствуют.

Углубление в актуальные проблемы общего языкознания выдвинуло на первый план в исследовательской тематике П. Аристэ языковые контакты и вопросы дву- и трехъязычия. Одно из первых исследований данного профиля — «Teiste läänemere keelte elemente Vaivara murrakus» (1962). Языковые контакты внутри прибалтийско-финской группы анализировал он в таких работах, как «Über die inneren Kontakte zwischen den ostseefinnischen Sprachen» (1970), «Karjalaisten ja eestiläisten (inkeri-läisten) väliset kielelliset yhteydet» (1977). Наряду с двуязычием в Балтийских регионах встречалось и трехъязычие, данные о нем можно почерпнуть прежде всего в работах «Welche Sprache spricht die ostseefinnische Bevölkerung in Vaipooli?» (1968), «Über die Dreisprachigkeit unter einigen finnisch-ugrischen Völkern» (1969), «A Case of Language Contact in the East Baltic Area» (1965). Без языковых контактов не мыслимы и какие-либо заимствования слов, например, вторжение латышского сравнительного слова-связки *nekā* в ареал ливского языка и южно-эстонских языковых островков или неожиданное появление прибалтийско-финского названия рыбы *kampala* 'камбала' в румынском языке (*cambulă*), см. «Die Expansion einer lettischen Konjunktion in den ostseefinnischen Sprachen» (1969), «Ein ostseefinnisches Wort im Rumänischen» (1965). Многие из перечисленных вопросов затрагиваются в книге «Keelekontaktid» (1981; Языковые контакты), в которой, как на то указывает и подзаголовок «Eesti keele kontakte teiste keeltega» (Контакты эстонского языка с другими языками), в первую очередь использован материал эстонского языка.

П. Аристэ опубликовал и обстоятельные статьи по истории преподавания и исследования финно-угорских языков, например, «Eesti keele ja soome-ugri keelte õpetamisest ja uurimisest Tartu Ülikoolis (1802—1952)» (1952), «Eestist põlvnevad uralistid Peterburi Teaduste Akadeemias» (1974). Результаты научной деятельности Ф. Й. Видемана обобщены в монографии «Ferdinand Johann Wiedemann» (1973).

Хотя в данном обзоре основное внимание уделено достижениям П. Аристэ в области финно-угорских языков, было бы неверно не коснуться его ведущей роли в педагогической и организаторской деятельности.

Во время многочисленных экспедиций П. Аристэ собирал материал по всем прибалтийско-финским языкам, а также по коми, шведскому,

латышскому и цыганскому языкам; наряду со сбором материала для себя он руководил полевыми работами студентов и аспирантов. В 1947—1978 гг. было проведено 32 учебные экспедиции. Кроме них, П. Аристэ неоднократно организовывал и возглавлял кратковременные учебные поездки к воде, в которых участвовали студенты, преподаватели и аспиранты.

Среди аспирантов, руководимых П. Аристэ, наряду с эстонцами были представители других финно-угорских народов — финны, карелы, вепсы, мордовцы, марийцы, удмурты, коми и венгры. Как руководитель и оппонент, он участвовал в защитах диссертаций почти всех финно-угроведов на протяжении около 40 лет.

О многом говорит и вызывает уважение уже само число диссертационных работ, которыми он руководил или на защите которых оппонировал. Предоставим слово цифрам. Под руководством П. Аристэ было подготовлено 58 кандидатских диссертаций (в Эстонии 23, в Марий Эл 12, в Латвии 8, в Мордовии 5, в Карелии 4, в Удмуртии 2, на Украине 4). Большинство из них защищено в Тартуском университете. Оппонентом он выступил на защите 121 кандидатской диссертации (25 из них подготовлены в Эстонии). На защите докторских диссертаций П. Аристэ оппонировал 33 раза (в Эстонии выполнены 12 из них). Локальное распределение 154 защит, на которых он оппонировал, выглядит следующим образом: в Тарту 75 диссертаций, в Риге 32, в Москве 14, в Таллинне 11, в Ленинграде 10, в Вильнюсе 5, в Минске 2, в Казани, Тбилиси, Фрунзе, Петрозаводске и Будапеште — по одной. Приходилось ему руководить и конкурсными работами студентов — 30 раз. Одна из них стала лауреатом всесоюзного конкурса, одна получила премию Института языка и литературы АН ЭССР, остальные — республиканские или университетские награды или дипломы.

Тартуский университет стал центром, куда стремились на учебу и охотно приезжали защищать диссертации. В Тарту многие получали импульс для деятельности в области национального пробуждения. Об этом удачно написал А. Кюннап в своих воспоминаниях «Paul Ariste in memoriam»: «Широкая эстонская общественность лишь в последние пару лет осмелилась обратить внимание на малые народы, родственные нам по языку, лишь теперь появилось желание чем-либо помочь им. Пауль Аристэ смел и умел помогать им в течение всего послевоенного периода. В Тартуском университете он учил сам или под его руководством обучались кадры языковедов для марийцев, мордвы, коми, удмуртов и других проживавших в Советском Союзе малочисленных финно-угорских народов. Трудно переоценить важность этого обстоятельства для развития национального самосознания этих народов, для сохранения и развития финно-угорских языков.»

Как человек, П. Аристэ был понимающим, предупредительным и всегда готовым помочь. Своих учеников он стремился всячески поддерживать и искренне радовался их успехам. Его большая специализированная библиотека была открыта для всех пользователей. Как академик, П. Аристэ заботился о развитии и расширении сектора финно-угорских языков в рамках Института языка и литературы. Основание и дальнейшее существование ежегодника Общества родного языка и

журнала «Советское финно-угроведение» были самым непосредственным образом связаны с П. Аристэ, являвшимся главным редактором обоих изданий. П. Аристэ был и президентом проходившего в Таллинне в 1970 году Международного конгресса финно-угроведов.

Своей научной, педагогической и организаторской работой П. Аристэ сделал очень много для того, чтобы Тарту и Таллинн превратились в выдающиеся центры исследования финно-угорских языков на международном уровне. Задача его учеников — сохранять, укреплять и развивать завоеванные позиции.

В международной семье финно-угроведов П. Аристэ пользовался общим признанием и получил немало почетных званий.

Он был академиком АН Эстонской ССР (1954), заслуженным деятелем науки Эстонской ССР (1965) и почетным членом ряда обществ и организаций: Финно-угорского общества (1963), Венгерской АН (1967), Американского лингвистического союза (1972), Общества родного языка (1974), Общества Калевалы (1975), Финляндского общества трезвости ("Raittien Ystävät", 1975), Финского Общества родного языка (Kotikielen Seura, 1976), Международного венгерского филологического общества (1977), Венгерского языковедческого общества (1980), Урало-Алтайского общества (1982). Почетным доктором он был избран в Хельсинкском (1969), Сегедском (1971) и Тампереском (1975) университетах. Внешним членом был в Финляндском литературном обществе (1954), Академии наук Финляндии (1969), Обществе Портана (1975) и Финской Академии (1980). П. Аристэ был главным редактором и членом редколлегий многих публикаций. Его заслуги отмечены государственными наградами.

Родной город тоже высоко оценил Пауля Аристэ как продуктивного исследователя эстонского и родственных языков: с 1982 года он был почетным гражданином города Тарту.

PAUL ALVRE (Tartu)

ZEHN JAHRE OHNE PAUL ARISTE

Aus Anlass des 10. Todestages von Paul Ariste (03.03.1905—02.03.1990) wird auf das Leben, aber besonders auf das wissenschaftliche Schaffen und die großen Verdienste dieses bedeutenden estnischen Sprachwissenschaftlers, der eine internationale Anerkennung wie bisher kaum ein Anderer hierzulande genoss, zurückgeblickt. Sein Gesamtwerk umfasst mehr als 8500 Seiten, darunter etwa ein Dutzend Monografien mit grundlegenden Erkenntnissen von bleibendem Wert, und annähernd tausend Artikel. Stätten seines Wirken waren vor allem der Lehrstuhl für finnisch-ugrische Sprachen der Universität Tartu und das Institut für Sprache und Literatur in Tallinn. Mehrere Generationen estnischer Finnougristen durchliefen seine Schule, unzählige Linguisten anderer sowjetischer Forschungszentren dürften ebenso stolz sein, dem Kreise seiner Schüler anzugehören. In den Jahren 1947—1978 wurden unter seiner Leitung 32 Forschungsreisen organisiert, die dem Sammeln von Sprachmaterial dienten und von denen sowohl Studenten und Aspiranten als auch Lehrkräfte mit vielfältigen Erfahrungen zurückkehrten. Auf seine Initiative erschien 1965 die erste Nummer der Zeitschrift SFU, mit der er bis zu seinem Tode als Chefredakteur aufs Engste verbunden blieb. Dem Internationalen Finnougristenkomitee gehörte er seit 1960 an. Die Ehren-

mitgliedschaft in vielen internationalen Organisationen und Gesellschaften sowie mehrere Auszeichnungen zeugen von der Anerkennung seiner wissenschaftlichen Forschungsergebnisse sowie der Verehrung seiner Person als Mensch und Wissenschaftler. Unter den Bedingungen der sowjetischen Okkupation hielt er enge Kontakte zu den Kollegen in Ost und West und festigte somit die internationale Wertschätzung der estnischen Finnougristik.

P. Ariste kam frühzeitig mit dem Erlernen von Fremdsprachen in Berührung. Neben der Muttersprache brachten ihm seine Eltern Schwedisch bei, im Umgang mit Nachbarskindern lernte er spielend Russisch, im Gymnasium eignete er sich mit erstaunlicher Leichtigkeit Deutsch, Englisch, Latein, Esperanto an, später lernte er noch die Zigeunersprache, Lettisch und Jiddisch. Außerdem beherrschte P. Ariste als Polyglotte noch zahlreiche andere Sprachen und diese umfangreichen Sprachkenntnisse bildeten ein solides und aus heutiger Sicht einzigartiges Fundament für seine gesamte Forschungstätigkeit, die er 1921 als sechzehnjähriger Schüler mit der Veröffentlichung der esperantosprachigen Abhandlung über die Liven "La Livoj" in der in Köln erschienenen Zeitschrift "Esperanto Triumfonta" begann.

Der Autor des vorliegenden Artikels führt dem Leser das breite Spektrum des wissenschaftlichen, pädagogischen und organisatorischen Wirkens von P. Ariste vor Augen und möchte bewusst machen, welche unschätzbare Bedeutung ihm beim Vorschreiten der estnischen bzw. finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft und bei der Entwicklung des Lehrstuhls an der Universität Tartu und des Instituts in Tallinn zu international bekannten und anerkannten Forschungsstätten zukommt. Seinen Schülern und zukünftigen Generationen obliegt es, sein Erbe zu bewahren sowie die Errungenschaften zu sichern und auszubauen.